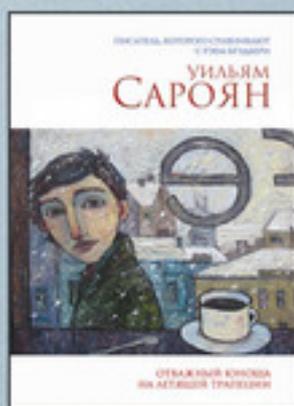

Уильям Сароян

Земля, день, ночь и я

*Часть сборника
Отважный юноша на летящей
трапеции (сборник)*

Уильям Сароян
Земля, день, ночь и я

«ЭКСМО»

1934

Сароян У.

Земля, день, ночь и я / У. Сароян — «Эксмо», 1934

ISBN 978-5-457-60458-2

"Он слушал сидевшую за столом напротив девушку, и та говорила ему о чем-то, что касалось их обоих, что зародилось в нем давным-давно и не закончится никогда, что есть в человеке... о земле, о жизни на земле, дни и ночи напролет, о сути и движении, о себе. Из окна второго этажа он увидел человека на велосипеде... оседланные им два колеса катятся по плоскости города... а девушка говорит..."

ISBN 978-5-457-60458-2

© Сароян У., 1934
© Эксмо, 1934

Уильям Сароян

Земля, день, ночь и я

Он слушал сидевшую за столом напротив девушку, и та говорила ему о чем-то, что касалось их обоих, что зародилось в нем давным-давно и не закончится никогда, что есть в человеке... о земле, о жизни на земле, дни и ночи напролет, о сути и движении, о себе.

Из окна второго этажа он увидел человека на велосипеде... оседланные им два колеса катятся по плоскости города... а девушка говорит.

Должно быть, это случилось в тот год, когда они с мамой и папой пошли в фотоателье. Ему было три года. Он не помнит, как они туда ходили, но осталась фотография, и на ней – высокий мужчина, который его обнимает, и мама рядом с высоким мужчиной. Все улыбаются. В тот год отец был жив и улыбался с фотографии.

Потом он помнит, как держался за руку матери, молча шагая в темноте ночного города, как он спросил – куда мы идем?

Ответа он не помнил и шел дальше рядом с матерью. Было ему, наверное, года четыре.

Опустилась ночь, и его печаль проникла в сон, в котором он беззвучно плакал без слез.

Однажды он рассмеялся, но этот смех отличался от смеха наяву. Он был всеобъемлющим и означал очень многое, относился ко всему на свете. И во сне он побаивался, что его могут услышать и спросить, почему он смеется... мать может потребовать отчета, а он не будет знать, что ответить. Но во сне он знал, почему смеется, откуда взялся этот смех, что он означает, но смех нельзя было передать языком, словами. Тем не менее он существовал, имел для него значение, представлял всю картину мира и человека, чтобы его рассмешить.

Однажды утром он очутился в школьном здании, лицом к лицу с ужасом. Он услышал: надо научить тебя читать. Он хотел им сказать: я не хочу читать. Но не знал, как объяснить. Он знал, что ему не нужно учиться читать; все уже стояло перед его глазами, и ночью, и днем. Если он все видит, ему не нужны слова. *Предметы* и были собственно словами, и у него были глаза – он видел, что и как. Но его повели в комнату, битком набитую маленькими мальчиками и девочками за партами, и спросили: как тебя зовут?

– Вы меня спрашиваете? – сказал он.

Он хотел сказать: та тетя, которая только что была здесь и ушла, – моя мама. Высокий мужчина на фото, которого нет в живых, – мой папа. Они зовут меня Джон.

– Джон, – сообщил он им. – Меня зовут Джон. А мое другое имя – Мелович.

Он сел и забыл о случившемся на месяц.

Но тревожность просочилась в его сны. Беспокойство из-за других мальчиков из его класса, о том, как они намеревались с ним поступить. Они думали о нем, видели его своими глазами, раскрывали его тайну. Они говорили о нем, а ему не хотелось, чтобы кто-то о нем говорил. Ему хотелось цельности, хотелось быть исключительно наедине с самим собой, а не предметом разговоров – чтобы не смотрели, не узнавали его. Но мальчишки держали его в своих головах. Они говорили: Джон, до Китая далеко? Откуда ему было знать? Потом один из них становился на четвереньки у него за спиной, а другой толкал его в грудь – и весь мир летел вверх тормашками, и все мальчишки гоготали и приговаривали – Китай на другом конце света! Ха-ха-ха!

«Все понятно, – думал он. – Это у них такие игры. Я думал, они про Китай, а это игра такая». Если верить тому, что они спрашивают, и обращать внимание на их слова, то они тебя опрокидывают и поднимают на смех. Слова нужны совсем не затем, чтобы к ним прислушиваться, а для того, чтоб играть в игры. Китай – и ты кувыркаешься. Он думал: я понимаю. Вот что это такое.

А еще учительница. Она на него сердилась. Она говорила ему – тупой! Это оттого, что он хотел знать, из-за вопросов, которые он задавал, а она ставила его в угол. Она говорила: кот пишется к-о-т. А он говорил: нет, кот – это черная шерстка, усы, хвост и глаза. Вот все, что он знал, но это ее очень злило, и она встряхивала его, а маленькие мальчики и девочки смеялись над ним. К-о-т – совсем не то, это четыре бесшумно ступающие лапки, вот что такое кот. Зачем они выдумывают?

Тревога проникла в его сны, и во сне он привел кота в класс, чтобы тот расхаживал перед учительницей. Вот, сказал он, это и есть кот, а не то, что вы говорите. Узрели? Ходячая шерстка и глазищи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.